

Ю. В. Розанов

МИФОЛОГЕМА БЛУЖДЕНИЯ
В ПОВЕСТИ В. И. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО»¹

Резюме

В статье рассматривается один из ключевых эпизодов повести В. И. Белова «Привычное дело» (двухдневное блуждание героя в лесу) с точки зрения отражения в нем мифологических представлений северного крестьянства. Связь леса с потусторонним миром четко прослеживается в традиционной культуре, в которой лес осмыслялся как вход в инобытие. По сюжету повести блуждания героя совпадают с трагическим и в определенном смысле переходным периодом его жизни (смерть жены), что позволяет трактовать эпизод как «преодоление лиминальности». Явный и скрытый мифологизм рассматриваемого эпизода обусловлен биографией писателя, его детством в глухой вологодской деревне, где мифологические рассказы были включены в естественную коммуникативную ситуацию».

Ключевые слова: В. И. Белов, деревенская проза, лес, мифологические рассказы, лесной, лиминальность, мифологема блуждания

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-012-00348 «Энциклопедия „Привычного дела“ В. И. Белова».

Yurii V. Rozanov

THE MYTHOLOGEM OF WANDERING IN V. I. BELOV' STORY «BUSINESS AS USUAL»

Abstract

The article considers one of the key episodes of V. I. Belov's story «Business as usual» – the hero's two-day wandering in the forest – as a reflection of the Northern Russian peasant mythology. The connection of the forest with the other world is clearly seen in the traditional culture where the forest is interpreted as an entrance to the other world. According to the plot of the story, the hero's wanderings coincide with a tragic and in some sense transitional period of his life (the death of his wife). This allow us to interpret the episode as «overcoming of liminality». The apparent and hidden mythological component of this episode is conditioned by the writer's biography – his childhood in a remote Vologda village where mythological stories were included in a “natural communicative situation”.

Keywords: V. I. Belov, village prose, forest, mythological stories, leshy, liminality, mythologem of wandering

DOI 10.31860/2712-7591-2020-2-146-155

Стимулом для написания работы стала статья Неонилы Артемовны Криничной «„В тех болотах зыбучих...“: мифологема блуждания в свете переходных обрядов (по материалам северно-русских мифологических рассказов)», опубликованная в сборнике памяти Т. А. Бернштам [Криничная, 2010]. Исследователь рассматривает описания блужданий людей в болотах и лесах, представленные в русской мифологической прозе, и стремится определить архаические истоки мифологемы, которые она видит в лиминальной обрядности. «Лиминальное состояние блуждающего человека, — отмечает Н. А. Криничная, — передано посредством динамических характеристик, связанных с хождением взад-вперед, что сопряжено с физическим обессиливанием и измененным состоянием его сознания. По преодолении лиминальности, обусловленной временным пребыванием между жизнью и смертью, блуждающий благополучно (подчас не без участия похитителя) возвращается в мир людей» [Криничная, 2010, с. 179]. Здесь Н. А. Криничная следует концепции В. Я. Проппа, который полагал, что «всякое попадание героя в лес вызывает вопрос о связи данного сюжета с циклом явлений посвящения» [Пропп, с. 57]. Если исследовательская стратегия Н. А. Криничной направлена от фольклора (несказочная проза) к его мифологическим истокам, то, предположительно, будет работать и противоположное направление — от народных мифологических рассказов к современной литературе. В каче-

стве современного объекта нами выбрана повесть В. И. Белова «Привычное дело» (1966), одно из основополагающих произведений «деревенской прозы».

Василий Белов родился в 1932 г. в деревне Тимониха Харовского района Вологодской области, в зоне таежных лесов. Он получил традиционное крестьянское воспитание, в котором важную роль играли народная культура, фольклорные представления. В предисловии к книге очерков по народной эстетике «Лад» Белов утверждал, что старается рассказывать только о том, что знает, «что пережил или видел сам либо знали и пережили близкие {...} люди» [Белов, 2012, с. 8]. В это «знание» естественным образом входили и мифологические представления северного крестьянства. Былички и бывальщины, по мнению Е. Е. Левкиевской, были включены в «естественную коммуникативную ситуацию», глубоко интегрированы в поток бытового общения [Левкиевская, с. 342]. На каком-то «глубинном» архетипическом уровне «мифологическая память» сохранялась у человека на всю жизнь, даже после его формального отрыва от традиционной культуры. Это как раз случай Белова. После окончания семилетней школы будущий писатель уехал из деревни и строил свою дальнейшую жизнь и карьеру по советским городским сценариям, сначала комсомольскому, потом партийному и, в итоге, по православному. «Бывший секретарь райкома комсомола, вечный член бюро обкома (КПСС. — Ю. Р.), неистовый ревнитель идей партии, ныне тьюкающий топориком церковь, в которой некому молиться...» — так писал в 1992 г. об идейных метаморфозах своего друга В. П. Астафьев [Крест бесконечный, с. 307]. Особо следует отметить, что в пору создания повести «Привычное дело» писатель был далек от всякой мистики, как христианской, так и внехристианской, фольклорной.

Связь леса с потусторонним миром, с царством мертвых, четко прослеживается в традиционной культуре северного крестьянства. Чаще всего лес осмыслялся как вход в инобытие. На закрепление этих ассоциаций работала обычай устраивать кладбища на «лесистых холмах». В архангельских и новгородских говорах, отмечает В. И. Даль, «бор — могильник, кладбище, божья нивка» [Даль, 1956а, с. 118]. Это же значение фиксирует и речевой пример из «Словаря вологодских говоров»: «Бором-то у нас кладбище зовут» [Словарь, с. 38]. Н. А. Криничная допускает и более экзотическую мотивировку: связь леса с загробным миром сложилась «в какой-то мере под влиянием верований скифов, и прежде всего их похоронного обряда, в соответствии с которым мертвое тело подвешивали на дерево» [Криничная, с. 318–319]. В любом случае верна пословица: «Ходить в лесу, видеть смерть на носу».

Покойники, даже «заложные», — необходимые, но не главные насельники леса как иного мира. М. М. Пришвин в дневнике вспоминает народную присказку: «лес — бес» [Пришвин, с. 196]. Вариант этого формульного выражения — пословицу «Лес лесом, а бес бесом» В. И. Даль помещает в рубрику «Розное — одно», по типу: «Один одного стоит» [Даль, 1879, с. 471]. Лесной бес, более известный под именем лешего, непреходящий и единственный хозяин конкретного леса. «Был бы лес, а леший найдется» — утверждает другая популярная пословица.

В повести Белова эпизод блуждания в лесу главного героя, Ивана Африкановича Дрынова, помещен во второй раздел седьмой главы, заглавие которого дублирует заглавие произведения — «Привычное дело». Герой морально подавлен смертью жены, в которой он отчасти виноват. Иван Африканович переживает переломный (пороговый) момент своей жизни, находится в лиминальном состоянии, в положении между жизнью и смертью. «Одним из символических проявлений такого состояния и служит блуждание...» — отмечает Криничная [Криничная, 2010, с. 175].

Возрождаясь к жизни, Иван пробует заняться привычными делами. Он, например, собирается сделать новую лодку-долбленку, для чего идет в лес, чтобы срубить давно присмотренную для этой цели осину. Уже само упоминание лодки (традиционного средства переправы в царство мертвых) — считает А.В. Федорова — свидетельствует о приближении героя к потустороннему миру. «Навязчивая мысль о лодке заставляет героя переместиться в пространство, где он едва не погибнет» [Федорова, с. 77]. Впрочем, для самого Ивана, далекого от мифологических аналогий, лодка, скорее всего, символизирует преодоление тоски по умершей. В лесу он находит платок жены, и эта находка действительно воспринимается героем как маркер загробного царства: «И ему думалось: вот сейчас выйдет из-за кустов Катерина, сядет рядом на березовой жерди» [Белов, 2011b, с. 114]. Приближение Ивана к иному миру подчеркивается и настойчиво повторяющейся фразой «ветрено, так ветрено» [Белов, 2011b, с. 114, 116, 110]. Не случайно она совпадает с последними обращенными к нему словами умирающей Катерины в передаче ее матери: «„Мамушка, — говорит, — разбуди ребят-то, ведь я умираю...“ Я-то, милая, сижу плачу, не знаю, чего делать, а она только после и сказала уж без памяти, видно, сказала: „Иван, ветрено, — говорит, — ой, Иван, ветрено как!“ — да тут и вытянулась, чую, затихла вся...» [Белов, 2011b, с. 110]. Эти слова можно трактовать как ощущение героини при переходе из мира живых в мир мертвых. «Ключевая фраза» повести в аспекте семантико-грамматической категории безличности рассмотрена в работе А. В. Петрова [Петров, с. 29–34]. Ветер, как известно, встречается

в описаниях загробного мира во многих мифологических системах. В ветхозаветном апокрифе «Книга Еноха» именно из этого мира, находящегося «на пределах земли», из двенадцати ворот выходят все существующие ветра, как губительные, так и благодетельные [Келтуяла, с. 177–178]. В русских мифологических представлениях ветер также связывается с иным миром, чаще всего через одного из его представителей — все того же лешего. Ветер — либо атрибут, спутник лешего, либо персонификация этого мифологического персонажа. В народных мифологических рассказах связка «леший — ветер» так же устойчива, как и связка «леший — хозяин леса». Возможно и иное толкование эпизода: душа при выходе из тела человека производит некое движение воздуха или сама является ветром [Власова, с. 80]. Сюда же следует отнести и зафиксированные ощущения ветра, соприкосновения с холодным воздухом у людей, переживавших «временную смерть». Во время работы Белова над «Привычным делом» большой популярностью пользовалось «Видение Клавдии Устюжаниной». Оно, как отмечает А. В. Пигин, «получило распространение в многочисленных списках по всей России, от Восточной Сибири до Карелии...» [Пигин, с. 406]. В феврале 1964 г. жительница Барнаула Клавдия Устюжанина пережила клиническую смерть во время операции, попала на тот свет, где встретила с Господом и Божьей Матерью. Свои ощущения в момент «перехода» женщина описала таким образом: «Мною руководила невидимая сила, которая влекла меня в неведомые для меня места. (...) Когда душа моя отрывалась от земли, я чувствовала холодный воздух. А когда город от меня скрылся, мне стало тепло» [Пигин, с. 362]. Нельзя исключить, что это «Видение...», в силу его широкого распространения как в рукописной традиции, так и в фольклорной, было известно Белову и как-то повлияло на «ключевую фразу» повести.

Углубляясь в лес, Иван Африканович приближается к «интересной и странной» реке, *Черной речке*, про которую в их местности ходили различные легенды, в частности про живущую в ней «нездешнюю краснобрюхую рыбу» [Белов, 2011b, с. 116]. Наличие водной преграды между мирами — устойчивая деталь различных мифологических топографий. Как видим, мифологизм ситуации неуклонно сгущается, при этом «странность» Черной речки автор объясняет вполне рационально: «Где-то невдалеке отсюда она ныряла под землю и километра два текла под землей, потом опять появилась наверху и текла по-людски, уже до самого озера» [Белов, 2011b, с. 116]. Исчезающие реки обычны для севера Восточно-Европейской равнины, но для местного населения подобный феномен вполне мог стать поводом для мифологизации. Отметим, что несколько севернее деревни Тимониha, родины Белова, на границе ландшафтного заказника Азлецкий лес, протекают

два ручья. «Один из них, под названием Черная речка, впадает в озеро Лесное...» [Шестакова, Уханов, с. 365–366]. Подавленный мрачными мыслями, Иван незаметно для себя перешел Черную речку, как раз в том месте, где она текла под землей, и потерял ориентацию, заблудился. «Если путник миновал реку незаметно, это считалось происками нечистой силы», — писала Т. Б. Щепанская на основании полевых материалов Архангельской области, соседнего с родиной Белова региона [Щепанская, с. 248]. Следовательно, и в способе дезориентации содержится косвенное указание на вмешательство духов.

Как очевидно из мифологических рассказов, «в самом состоянии блуждания (...) заключено наличие некоей сокрытой воли» [Криничная, 2010, с. 176]. В большинстве фольклорных текстов эта сила выступает в виде лешего либо предка (покойника). Основные функции этого персонажа мифологических рассказов — *водить* путника, добиваясь от него полной потери ориентации в пространстве, и *обходить* человека, не давая ему возможности выбраться из леса, «запирать» в лесу. «Почему блудят-то, уводят? Это леший покажется, вот и ведет». Очень часто появление лешего или родственных ему персонажей интерпретируется как знак смерти [Черепанова, с. 47, 48, 53, 54, 55, 56, 57]. По современным научным представлениям, леший — персонификация «интеллектуальной дезориентации и эмоциональной сумятицы», которые переживает заблудившийся человек [Подюков, с. 264], «образ страха» [Щепанская, с. 254]. Но эта «воля» или «сила» даже в мифологических рассказах может и не персонифицироваться, сохраняя свою неопределенную ипостась, как, собственно, и происходит в повести Белова.

Поначалу герой Иван Африканович ощущает эту весьма неопределенную «волю» как агрессию со стороны леса. «Мшистый колодник не давал идти, сучья древних сушин дергали за фуфайку. Нога то и дело проваливалась в черную жидкую землю. (...) Сильно и остро запахло дурман-травой, от которой ломило виски и кружило голову» [Белов, 2011b, с. 116–117]. Судя по деталям лесного пейзажа повести, Иван приблизился к так называемому «маточнику», серединной пуще, окруженной труднопроходимыми завалами и засасывающими болотцами, по восточнославянским мифологическим представлениям месту обитания лешего [Криничная, 2004, с. 265]. В Архангельской губернии для этого локуса существовало и другое наименование — «сторожьё» — «глушь непроходимая, болото, лес по топи, коренной притон лешего» [Даль, 1956b, с. 331]. Вблизи маточника влияние лешего особенно сильно, путнику почти невозможно выйти из этого магического круга. Дух леса оказывает психологическое воздействие на человека, «во-

дит», «заводит», «уводит». Движения человека перестают согласовываться с его мыслями и намерениями. «В лесу, в таком лесу все меняется, думаешь, что идешь вправо, а сам прямо шпаришь, думаешь, что повернул обратно, а сам лишь легонько изменил направление» [Белов, 2011b, с. 118]. Такое место, — замечает Криничная, — «обытовлённым сознанием осмысляется как труднодоступное и непроходимое, мифологическим же — как некий иной мир» [Криничная, 2004, с. 305]. Потеря ориентации в пространстве сопровождается и потерей чувства времени: Иван Африканович «не знал, сколько часов брел по лесу».

Мифологизм повести не стоит абсолютизировать и каждую бытовую деталь рассматривать через мифологический код. «Привычное дело» вполне вписано в реалистический канон своего времени. Заблудившись, герой винит себя за невнимательность, а не за то, что нарушил какие-то давние правила, например не попросил разрешения на вход в лес у лесного духа. Не прибегает он и к традиционному выворачиванию одежды наизнанку, которое якобы помогает найти дорогу домой. Какие-то детали даже в мифологическом оформлении помогают Ивану выжить. Герой в своих панических мыслях неоднократно вспоминает, что у него нет еды, страшится голодной смерти: «Пять, шесть дней прожить можно, потом ослабнешь, сунешься носом в мох». С мифологической точки зрения голодание скорее полезно для заблудившегося человека. Предполагается, что вся возможная в такой ситуации пища принадлежит лешему, и если ее съесть, то можно навек остаться во владениях нечистой силы [Черепанова, с. 33]. Подобный запрет на еду в волшебных сказках рассмотрен В. Я. Проппом [Пропп, с. 67]. Еще одна опасность навсегда остаться у лешего подстерегала героя в тот момент, когда он обнаружил некий след. По поверьям, след лешего (тропа, по которой ходят лешие) неизбежно ведет к скорой смерти и даже наступать на него опасно. Однако Иван идентифицировал найденный след как медвежий и не пошел по нему.

Счастливей финал ситуации объясняется вполне реалистично — наступило солнечное утро, и герой понял, где находится. Но и в «обытовлённом» описании этого момента присутствует скрытый мифологизм: «Понемногу небо в одном месте совсем посветлело. (...) И было странно, что солнце оказалось не на своем месте, совсем в другой стороне... *Земля под ногами Ивана Африкановича будто развернулась и встала на свое место*: теперь он знал, куда надо идти» (курсив наш. — Ю. Р.) [Белов, 2011b, с. 121]. Происки нечисти, прежде всего лешего, как раз и заключаются в том, чтобы исказить пространство, каким-то немислимым образом заворачивать его, путать стороны света, переносить знакомые людям природные ориентиры

с места на место. Иван Африканович, таким образом, не просто нашел дорогу, а преодолел бесовские козни и наваждения.

Литература

- Белов, 2011а — Белов В. И. Собр. соч.: В 7 т. М.: РИЦ «Классика», 2011. Т. 1. 608 с.
- Белов, 2011б — Белов В. И. Собр. соч.: В 7 т. М.: РИЦ «Классика», 2011. Т. 2. 600 с.
- Белов, 2012 — Белов В. И. Собр. соч.: В 7 т. М.: РИЦ «Классика», 2012. Т. 5. 632 с.
- Власова — Власова М. Н. Русские суеверия: Энциклопедический словарь. СПб.: Азбука, 1998. 672 с.
- Даль, 1879 — Даль В. И. Пословицы русского народа: Сборник. 2-е изд. СПб.; М.: Издание М. О. Вольфа, 1879. Т. 2. 654 с.
- Даль, 1956а — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956. Т. 1. 700 с.
- Даль, 1956б — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956. Т. 4. 682 с.
- Келтуяла — Келтуяла В. А. Курс истории русской литературы. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1913. Ч. 1: История древней русской литературы, кн. 1: История литературы от IX в. до половины XIII в. XLV, 1014 с.
- Крест бесконечный — Крест бесконечный: В. Астафьев — В. Курбатов: Письма из глубины России. Иркутск: Издатель Сапронов, 2003. 528 с.
- Криничная, 2004 — Криничная Н. А. Русская мифология: Мир образов фольклора. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2004. 1008 с.
- Криничная, 2010 — Криничная Н. А. «В тех болотах зыбучих...»: мифологема блуждания в свете переходных обрядов (по материалам северо-русских мифологических рассказов) // «Уведи меня, дорога»: Сб. науч. ст. памяти Т. А. Бернштам. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 172–180.
- Левкиевская — Левкиевская Е. Е. Быличка как речевой жанр // «Кирпичики»: Фольклористика и культурная антропология сегодня: Сб. ст. в честь 65-летия С. Ю. Неклюдова и 40-летия его научной деятельности. М.: РГГУ, 2008. С. 341–363.
- Петров — Петров А. В. «Ветрено, так ветрено...»: Повесть Василия Белова «Привычное дело» через призму семантико-грамматической категории безличности // Беловский сборник: Материалы Науч. собрания и Регион. конкурса молодежных социально-экономических проектов по развитию сельских территорий. Вологда: ВОУНБ, 2019. С. 29–34.
- Пигин — Пигин А. В. Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 432 с.
- Подюков — Подюков И. А. Мифологический аспект лирической формулы (на материале любовной частушки) // Мифология и повседневность: Материалы науч. конф. 18–20 февр. 1998 г. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 1998. С. 261–272.
- Пришвин — Пришвин М. М. Дневники. М.: Московский рабочий, 1995. Кн. 3: 1920–1921. 334 с.
- Пропп — Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. 366 с.
- Словарь — Словарь вологодских говоров. Учебное пособие по русской диалектологии. Вологда: ВГПИ, 1983. [Вып. 1]: А–Г. 144 с.

- Федорова — Федорова А. В. Люди и вещи // Повесть В. И. Белова «Привычное дело» как вологодский текст: [коллектив.] монография. Вологда: ИП Киселев, 2016. С. 53–79.
- Черепанова — Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Сост. и автор коммент. О. А. Черепанова. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 1996. 212 с.
- Шестакова, Уханов — Шестакова Л. Г., Уханов В. П. Особо охраняемые природные территории Харовского района // Харовск: Краеведческий альманах. Вологда: Русь, 2004. С. 365–371.
- Щепанская — Щепанская Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М.: Индрик, 2002. 528 с.

References

- Belov, V. I. (2011, 2012). *Sobranie sochinenii*. 7 Vols. Moscow: Klassika. Vol. 1 (2011), 608 p.; Vol. 2 (2011), 600 p.; Vol. 5 (2012), 632 p.
- Cherepanova, O. A. (1996). *Mifologicheskie rasskazy i legendy Russkogo Severa*. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 212 p.
- Dal', V. (1879). *Poslovitsy russkogo naroda: Sbornik*. Vol. 2. Sankt-Peterburg, Moscow: M. O. ol'f, 654 p.
- Dal', V. (1956). *Tolkovi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka*. 4 Vols. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei. Vol. 1, 700 p.; Vol. 4, 682 p.
- Fedorova, A. V. (2016). 'Lyudi i veshchi', in: *Povest' V. I. Belova "Privychnoe delo" kak vologdskii tekst: [kollektivnaya] monografiya*. Vologda: IP Kiselev, 53–79.
- Keltuyala, V. A. (1913). *Kurs istorii russkoi literatury*. Kniga 1. Istoriya literatury ot IX veka do poloviny XIII veka. Sankt-Peterburg: Tipografiya M. Stasyulevicha, XLV, 1014 p.
- Krest beskonechnyi. V. Astafev — V. Kurbatov: Pis'ma iz glubiny Rossii* (2003). Irkutsk: Sapronov, 528 p.
- Krinichnaya, N. A. (2004). *Russkaya mifologiya: Mir obrazov fol'klora*. Moscow: Akademicheskii Proekt, Gaudeamus, 1008 p.
- Krinichnaya, N. A. (2010). "'V tekh bolotakh zybuchikh...': mifologema bluzhdaniya v sve-te perekhodnykh obryadov (po materialam severno-russkikh mifologicheskikh rasskazov)', in: *"Uvedi menya, doroga": Sbornik nauchnykh statei pamyati T. A. Bernshtam*. Sankt-Peterburg: Muzei antropologii i etnografii Rossiiskoi akademii nauk, 172–180.
- Levkievskaya, E. E. (2008). 'Bylichka kak rechevoi zhanr', in: *"Kirpichiki": Fol'kloristika i kul'turnaya antropologiya segodnya: Sbornik statei v chest' 65-letiya S. Yu. Neklyudova i 40-letiya ego nauchnoi deyatel'nosti*. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 341–363.
- Petrov, A. V. (2019). "'Vetreno, tak vetreno...". Povest' Vasiliya Belova "Privychnoe delo" cherez prizmu semantiko-grammaticheskoi kategorii bezlichnosti', in: *Belovskii sbornik: Materialy Nauchnogo sobraniya i Regional'nogo konkursa molodezhnykh sotsial'no-ekonomicheskikh proektov po razvitiyu sel'skikh territorii*. Vologda: Vologdskaya oblastnaya universal'naya nauchnaya biblioteka, 29–34.
- Pigin, A. V. (2006). *Videniya potustoronnego mira v russkoi rukopisnoi knizhnosti*. Sankt-Peterburg: Dmitrii Bulanin, 432 p.

- Podyukov, I. A. (1998). 'Mifologicheskii aspekt liricheskoi formuly (na materiale lyubovnoi chastushki)', in: *Mifologiya i povsednevnost': Materialy nauchnoi konferentsii 18–20 fevralya 1998 goda*. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta, 261–272.
- Prishvin, M. M. (1995). *Dnevnik*. Vol. 3. 1920–1921. Moscow: Moskovskii rabochii, 334 p.
- Propp, V. Ya. (1986). *Istoricheskie korni volshebnoi skazki*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 366 p.
- Shchepanskaya, T. B. (2002). *Kul'tura dorogi v russkoi miforitual'noi traditsii XIX–XX vekov*. Moscow: Indrik, 528 p.
- Shestakova, L. G., Ukhanov, V. P. (2004). 'Osobo okhranyaemye prirodnye territorii Kharovskogo raiona', in: *Kharovsk: Kraevedcheskii al'manakh*. Vologda: Rus', 365–371.
- Slovar' vologodskikh govorov. Uchebnoe posobie po russkoi dialektologii* (1983). A–G. Vologda: Vologodskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut, 144 p.
- Vlasova, M. N. (1998). *Russkie sueveriya: Entsiklopedicheskii slovar'*. Sankt-Peterburg: Azbuka, 672 p.